ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ШЛЫКОВА.

1773 –1863.

На вопросъ: «когда вы родились?» она обыкновенно отвѣчала: «Черезъ два года послѣ мо́ра», т. е. моровой язвы 1771 года. Гдѣ именно родилась она, не знаю, но вѣроятно въ Москвѣ; сама она считала себя Московскою уроженкою. Она была крестьянка. Отецъ ея, крѣпостной прадѣда моего графа Петра Борисовича Шереметева, Василій Шлыковъ, былъ оружейнымъ при домовой «рисъ-каморѣ» или арсеналѣ. Мать ея, Елена Ивановна Шлыкова, служила при моей прабабушкѣ графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной княжнѣ Черкасской, и была ея довѣреннымъ лицомъ. Записаны были Шлыковы крестьянами села Павлова, Нижегородской губерніи.

Съ семилѣтняго возраста она уже себя помнила въ домѣ Петра Борисовича. У нея много было сверстницъ и подругъ, которыя всѣ воспитывались въ домѣ и готовились, смотря по способностямъ, къ домашней сценѣ.

Татьяна Васильевна, отличаясь искусствомъ въ танцахъ, выступила на домашнемъ театрѣ въ Кусковѣ. Она прожила свои молодые годы, поперемѣнно то въ Кусковѣ, то въ Москвѣ и въ Останкинѣ. Во время посѣщенія Кускова Екатериною, она при ней танцовала на домашнемъ театрѣ и такъ понравилась, что Екатерина вызвала ее къ себѣ въ ложу, дала ей поцѣловать свою руку, похвалила и подарила нѣсколько червонцевъ. Она любила вспоминать объ этомъ и всегда повторяла слово въ слово тѣже выраженія, съ восторгомъ отзываясь о привѣтѣ Государыни. Помнила она въ Кусковѣ и «Прусскаго короля», гулявшаго въ саду; она выбѣжала на него посмотрѣть и была поражена его уродствомъ. «Косичка торчала кверху», повторяла Татьяна Васильевна съ неудовольствіемъ. Позднѣе, уже совсѣмъ взрослая, она танцовала въ Кусковѣ предъ «великолѣпнымъ княземъ Тавриды», который подарилъ ей дорогой платокъ. «Я была глупа» говорила Татьяна Васильевна, «и не сохранила этого платка»....

Дружба съ моей бабушкой Прасковьей Ивановной, тогда еще «Прасковьей Жемчуговой», сблизила ее съ моимъ дѣдомъ Николаемъ Петровичемъ. При Петрѣ Борисовичѣ она на сценѣ носила фамилію «Гранатова». Любила она вспоминать, какъ Петръ Борисовичъ о нихъ заботился, когда онѣ были еще дѣтьми, и какъ онъ самъ приносилъ имъ лѣкарственные порошки, когда имъ не здоровилось.

Въ концѣ столѣтія, по смерти Петра Борисовича, больше жили въ Останкинѣ, чѣмъ въ Кусковѣ. Здѣсь Татьяну Васильевну чуть не забодалъ быкъ, отъ котораго она спаслась бѣгствомъ на р. Каменку.

На свадьбѣ моего дѣда, она была въ церкви, въ числѣ весьма немногихъ лицъ, свидѣтелей брака, въ Москвѣ, въ церкви Св. Симеона Столпника на Поварской. Она уже тогда не разлучалась съ дѣдомъ и бабушкой и сопровождала ихъ въ путешествіяхъ. Бывало, начнетъ разсказывать: «Это было въ коронацію»...—«Кого?» спрашиваешь: «Николая Павловича, Александра I-го?»—«Куда», говоритъ: «въ коронацію Павла Петровича! Дѣдушка вашъ былъ тогда оберъ-маршаломъ.»...

Вообще она охотно разсказывала. Многое оставалось у меня въ памяти, и я со словъ ея записалъ все, что́ относится до временъ Екатерины и Павла и отношеній къ нему дѣда. Она благоговѣла передъ памятью Екатерины, которую не иначе звала какъ «матушка», и съ сочувствіемъ говорила о Павлѣ. Въ ночь съ 11 на 12 Марта ее внезапно разбудили извѣстіемъ, что Николай Петровичъ одѣвается, чтобы ѣхать во дворецъ. Поспѣшно приходитъ она къ нему и застаетъ у него его обычнаго парикмахера Руссо, и тутъ же узнаётъ, что императоръ Павелъ скончался отъ апоплектическаго удара...

Въ нашемъ городскомъ Петербургскомъ саду былъ деревянный павильонъ, съ большимъ круглымъ куполомъ надъ среднею комнатою-залою, отъ которой по разнымъ направленіямъ расположены были комнаты. Я засталъ это зданіе въ полуразрушенномъ состояніи: оно вовсе не поддерживалось. Сначала меня туда не пускали, но я наконецъ-таки забрался и съ трудомъ проникъ въ эту среднюю комнату, заваленную мусоромъ. Мебели уже не было, крыша мѣстами была неисправна, стекла поразбились, казалось небезопаснымъ проникнуть въ другія комнаты. Жаль было видѣть это постепенное разрушеніе, и такъ близко отъ дома, среди сада. А тутъ же рядомъ памятникъ, надпись на которомъ и до сихъ поръ гласитъ: «Здѣсь семейно провождали время въ тишинѣ и спокойствіи». Это было своего рода уединенное убѣжище, причудливо устроенное среди столичнаго шума, нѣчто въ родѣ Кусковскаго «Дома Уединенія» Петра Борисовича, или домика Прасковьи Ивановны, тамъ, гдѣ теперь растутъ серебристые

тополи.. Здѣсь зачастую живали дѣдъ и бабушка, а съ ними и Татьяна Васильевна. Кажется, здѣсь, въ этомъ павильонѣ, Прасковья Ивановна была при смерти и по выздоровленіи избрала себѣ текстъ и на печати вырѣзала: «Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде». Тутъ же ею посажены кленъ и вербы. Сюда, по кончинѣ Прасковьи Ивановны, заходилъ Николай Петровичъ и вспоминалъ о разбитомъ своемъ счастьи. Надпись на мраморномъ памятникѣ свидѣтельствуетъ объ этомъ настроеніи его души. На мѣдной доскѣ вырѣзаны слѣдующія слова:

«Je crois voir son ombre attendrie
Errer autour de ce séjour.
J'approche... mais bientôt cette image chérie
Me rend à ma douleur en fuyant sans retour».

Сюда, уже въ глубокой старости, заходила и Татьяна Васильевна, и я живо помню ея разсказы про давно-прошедшее время...

Смерть Прасковьи Ивановны (1803) была первымъ ударомъ для Татьяны Васильевны. Она вся предалась заботамъ о моемъ отцѣ, оберегая и ревниво ограждая его, насколько было возможно. Смерть дѣда (1809) была новымъ для нея ударомъ. Въ домѣ водворились новые порядки. Первое время отношенія ея къ Марьѣ Ѳедотовнѣ Донауровой (женѣ попечителя моего отца, М. И. Донаурова) были натянутыя. Было желаніе даже удалить Татьяну Васильевну; но когда, вслѣдствіе личнаго вмѣшательства и заступничества императрицы Маріи Ѳеодоровны, она утвердилась въ домѣ, мало по малу, благодаря своему природному уму, замѣчательному умѣнью себя держать, соединенію должной почтительности съ большимъ достоинствомъ, она сошлась съ Марьей Ѳедотовной, и во все время сожительства въ нашемъ домѣ отношенія ихъ были вполнѣ пріязненныя. О Михаилѣ Ивановичѣ Донауровѣ, добромъ старикѣ, бывшемъ подъ башмакомъ у своей жены, которую онъ звалъ «мафамушка» и говорить нечего: онъ былъ добрѣйшій человѣкъ, и Татьяна Васильевна оплакивала его кончину.

Съ тѣмъ же тактомъ и умѣньемъ сошлась она съ эмигрантомъ Симоненъ (Simonin), воспитателемъ моего отца. Онъ хотя едва говорилъ по-русски, но понялъ значеніе Татьяны Васильевны при моемъ отцѣ, и общее чувство желанія ему добра совершенно ихъ сблизило.

Татьяна Васильевна не разъ разсказывала о дѣйствіяхъ и злоупотребленіяхъ разныхъ управителей въ малолѣтство отца, о продажѣ съ молотка части имущества по кончинѣ дѣда безъ всякой на то причины.

Въ 1812 году, въ большой гостиной нашего Фонтаннаго дома въ Петербургѣ, была она на обѣдѣ, данномъ Донауровыми Витген-

штейну, когда онъ отправлялся въ походъ. Она разсказывала, какъ онъ говорилъ рѣчь и обѣщался не допустить Наполеона до Петербурга.

Еще со временъ дѣда жила она въ нижнемъ этажѣ большаго дома, отъ главнаго подъѣзда направо, и въ этихъ комнатахъ прожила болѣе пятидесяти лѣтъ!

Поступленіе моего отца въ кавалергардскій полкъ было новою для нея заботою. Она зорко слѣдила за нимъ и притомъ такъ, что умѣла пріобрѣсти себѣ пріязнь и уваженіе кавалергардскихъ офицеровъ, товарищей отца. Не разъ, бывало, выѣзжала она въ собственной каретѣ на полковые ученья и смотры; знали хорошо эту карету и давали ей мѣсто изъ почтенія и вниманія къ Татьянѣ Васильевнѣ.

Наводненіе 1824 года застало ее въ Петербургѣ въ ея комнатахъ; изъ окна слѣдила она за прибылью воды. Весь дворъ залитъ былъ водою, во въ саду не было ни капли. Въ домѣ сдѣлался переполохъ Прибѣжали къ ней кавалергарды Бутурлинъ, князь Трубецкой и уговаривали ее скорѣе перебраться на верхъ и позаботиться о вещахъ. Татьяна Васильевна спокойно выжидала. Она объявила, что пока вода не подступитъ къ извѣстной чертѣ на стѣнахъ подоконника—она не двинется. И дѣйствительно, вода не перешла этой черты и начала убывать. Часто слышалъ я этотъ разсказъ.

День 14 Декабря 1825 г. не менѣе былъ ей памятенъ. Сидитъ она у себя совершенно спокойно. Вдругъ видитъ: скачетъ на дворъ кавалергардскій офицеръ баронъ Мантейфель. Онъ прискакалъ предупредить моего отца; подъѣхавъ къ окну и къ форточкѣ, которую Татьяна Васильевна тотчасъ же отворила, Мантейфель крикнулъ: «Татьяна Васильевна, бунтъ!» и съ этими словами ускакалъ. Можно себѣ представить ея положеніе. Съ нею сдѣлалась дурнота. Опомнилась она, когда съ площади привезли моего отца домой совсѣмъ окоченѣлаго.

А сколько было тревогъ во время Польскаго похода! Она жадно читала газеты, и не было предѣловъ ея счастью, когда полкъ вернулся.

Татьяна Васильевна очень обрадовалась женитьбѣ моего отца (1837): она давно желала ему семейной жизни. Съ моею матерью она тотчасъ же сошлась. Она видѣла, что къ ней относились дружелюбно и внимательно, какъ къ члену семейства. Эти отношенія съ каждымъ годомъ упрочивались. Рожденіе брата было большою для нея радостью, а дорогое для нея имя Николая удвоило ея любовь къ нему. Его кончина (1843) сразила ее точно также, какъ и кончина моей матери (1849), о которой она узнала черезъ Симонена. Онъ пришелъ къ ней съ этимъ извѣстіемъ совершенно растерянный.

Какъ уже сказано, Татьяна Васильевна болѣе пятидесяти лѣтъ прожила въ однихъ и тѣхъ же комнатахъ. Очень любилъ я эти комнаты.

Такой въ нихъ былъ особый, старинный отпечатокъ... Всѣ вещи и мебель словно застыли на своихъ мѣстахъ. Порядокъ и чистота были необыкновенные. Перегородка съ причудливыми украшеніями и деревянными колоннами раздѣляла большую комнату отъ спальни, въ которой было два окна. Между ними стояло большое краснаго дерева трюмо. За этимъ трюмо было складочное мѣсто для настоекъ; тутъ хранилась бутыль особенно-любимой ею «березовки». Эта березовка служила ей главнымъ лѣкарствомъ, притираніемъ отъ ревматизмовъ и болей; но она не прочь была и отъ внутреннихъ пріемовъ этой березовки, и всегда говорила о ней, какъ о средствѣ самомъ цѣлебномъ. У перегородки стоялъ небольшой диванъ съ старомодными креслами и маленькимъ столикомъ краснаго дерева, на которомъ подъ стекломъ былъ оригинальный рисунокъ всякой всячины, по модѣ конца XVIII столѣтія, и съ надписью: «Рисовалъ Тертій Борноволоковъ 1795 года». Надъ диваномъ висѣли старые виды допожарной Москвы, ея родины; тутъ же два вида Кускова двадцатыхъ годовъ, работы барона О. И. Клодта, и видъ Останкина.

Противъ этого дивана, у стѣны, стоялъ краснаго дерева шкафъ, раздвижной, также въ стилѣ начала столѣтія; на немъ былъ портретъ моего старшаго брата, акварель, а надъ нимъ масляный портретъ моего отца—корнетомъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ. Въ шкафу помѣщался запасъ чаю, кофе, и стеклянная кружка для ежедневной порціи, и тутъ же рядомъ старинные Англійскіе часы, подарокъ моего дѣда. Эта комната раздѣлялась надвое двумя трельяжами съ плющемъ, за которымъ стоялъ кіотъ съ образами и помѣщался диванъ, служившій ей кроватью. На этомъ диванѣ была знакомая подушка съ вышитымъ бѣлымъ пуделемъ, а надъ диваномъ висѣлъ портретъ бабушки Прасковьи Ивановны въ золоченой рамѣ.

Въ гостиной у Татьяны Васильевны диванъ и кресла стояли, какъ было принято въ то время, въ струнку. Такія гостиныя еще сохранились у архіереевъ. Это было для почетныхъ гостей. Въ углу, между окнами, стояло большое кофейное дерево, которымъ она очень дорожила. На окнахъ растенія и преимущественно чайныя деревья, отчего въ комнатахъ всегда бывалъ пріятный, легкій запахъ чая. На каминѣ стояли часы съ стекляннымъ фонтаномъ, вытекавшимъ изъ пасти бронзовой львиной головы, и двѣ вазы. У окна былъ небольшой письменный столъ, за который рѣдко въ послѣдніе годы она садилась.

Далѣе слѣдовала столовая въ одно окно и за перегородкой коридоръ въ выходную дверь. Здѣсь на стѣнѣ висѣлъ какой-то античный храмъ съ колоннами, собственной ея рѣзьбы, когда ей было

четырнадцать лѣтъ. Затѣмъ слѣдовала комната ея дѣвушки и лакея Артемія Бондарева съ его семьею. Съ кончины дѣда Татьяна Васильевна жила своимъ хозяйствомъ. У нея были свой поваръ, кучеръ, дѣвушка и лакей, а также собственная карета и пара лошадей.

Прислуга живала у нея подолгу, хотя не всегда бывала исправна. Были у нея повара горькіе пьяницы, съ которыми она не могла разстаться; къ тому же повара были хорошіе. Былъ лакей Петръ, большой чудакъ. Всѣхъ типичнѣе былъ у нея послѣдній ея служитель, Артемій Бондаревъ. Онъ тоже чуть ли не тридцать лѣтъ служилъ при ней. Въ послѣдніе годы она выѣзжала рѣдко, но очень дорожила своимъ кучеромъ Васильемъ Буяновымъ. Выѣздъ ея былъ событіемъ. Въ эти рѣдкіе дни Артемій надѣвалъ темно-синюю ливрею съ галуномъ и садился на козлы. Отецъ разсказывалъ, что ему случалось, бывало, заходить къ Татьянѣ Васильевнѣ въ то время, когда она отдыхаетъ; Артемій тотчасъ же бѣжитъ ее будить; напрасно отецъ останавливаетъ его. «Помилуйте-съ», говоритъ Артемій, «что́ же мы почью-то будемъ дѣлать?» Отцу очень нравилось это «мы».

Татьяна Васильевна иногда ворчала на своего Артемія и на произвольныя его распоряженія, а также и на свою дѣвушку, и тогда она говаривала: «Это мои голубчики распорядились».

Лѣтомъ жила она на дачѣ, по Петергофской дорогѣ, купленной дѣдомъ моимъ въ началѣ столѣтія у графовъ Паниныхъ. Эта дача— Ульянка. Здѣсь жила она во флигелѣ, пока передѣлывался большой домъ, а потомъ переѣхала въ только что отдѣланную его половину. У нея было четыре комнаты въ рядъ. На стѣнахъ было пусто; только въ гостиной висѣли портретъ митрополита Филарета въ полномъ облаченіи и зеркало въ деревянной рамѣ прошлаго столѣтія, съ двумя гирляндами и вазою вверху. Это было зеркало Прасковьи Ивановны.

Такъ жила Татьяна Васильевна въ нашемъ домѣ изъ года въ годъ, начиная съ кончины дѣда. Передъ нею проходили лица, совершались событія; она оставалась неизмѣнною, держалась спокойно, съ достоинствомъ, была обіцительна, привѣтлива, въ разговорѣ своеобразна и поучительна, въ воспоминаніяхъ очень любопытна. Ея свѣтлый умъ и доброе сердце соединялись съ необыкновенною выдержкою и большимъ запасомъ житейской опытности. Она была представительница здоровой среды, глубоко-религіозной, чисто-русской. Сама живое преданіе, она любила дѣлиться своими впечатлѣніями и своими воспоминаніями.

Въ 1851 году въ жизни Татьяны Васильевны произошло чрезвычайное событіе. Она поѣхала въ Москву! Никому въ голову не приходило о возможности такого путешествія: она столько лѣтъ изъ

Петербурга не выѣзжала. Случилось это очень просто. Намъ предстояла поѣздка въ Москву; я сталъ уговаривать Татьяну Васильевну ѣхать съ нами. Она колебалась, но я присталъ. Видимо довольная, она, наконецъ, стала подаваться. Я передалъ все отцу, которому эта мысль очень понравилась, и онъ началъ ее уговаривать ѣхать. Тогда Татьяна Васильевна согласилась. Мы поѣхали впередъ и стали ее поджидать въ Москвѣ. Какъ теперь помню: мы съ отцомъ у обѣдни, въ домовой церкви Знаменія, стоимъ рядомъ. Служба кончилась; я случайно обернулся и вижу: у стеклянныхъ входныхъ дверей, въ шляпкѣ, въ дорожномъ платьѣ, стоитъ Татьяна Васильевна! Радость была большая. Она помѣстилась какъ разъ надъ моими угловыми комнатами, въ верхнемъ этажѣ большаго Воздвиженскаго дома.

Татьяна Васильевна не была въ Москвѣ послѣ пожара 1812 года, и все ей казалось страннымъ. Многое она не узнавала, многому удивлялась. Такъ, искала она Кузнецкаго *моста*, увѣряя, что когда-то, въ ея время, былъ мостъ. Во время этого пребыванія была она въ Кусковѣ и, помнится мнѣ, не безъ грусти осматривала домъ и садъ, все что̀ напомнило ей давно прошедшее. Не любила она, когда говорили про Сокольники. «Что̀ за Сокольники такіе? У насъ назывались они Нѣмецкіе Станы». Была она и въ Странноприимномъ домѣ.

Въ молодости Татьяна Васильевна, по собственнымъ ея словамъ, не была красавицей; но, судя по ея портрету, сохранившемуся въ Кусковѣ, у нея было выразительное лицо, съ живыми, умными глазами. Двѣ пряди русой косы спускаются на плеча, на лицѣ веселая улыбка. О своихъ успѣхахъ она никогда не говорила; все это ушло съ нею въ могилу; только смѣясь разсказывала, что, когда она была уже въ зрѣлыхъ годахъ, за нее сватался Англичанинъ Плинке, одинъ изъ хозяевъ Англійскаго магазина въ Петербургѣ. Вѣроятно по старой привычкѣ, какъ бывало при дѣдѣ, Татьяна Васильевна очень часто посѣщала Англійскій магазинъ, и всѣ ее тамъ знали. Съ Плинке она сохранила добрыя отношенія, но замужъ не пошла. Не помню, вѣрно ли; но кажется, она обѣщала дѣду передъ его кончиною не покидать отца и не выходить замужъ.

Она умѣла ладить и съ Англичанкою Шарлотой Ивановной Рутландъ и съ докторомъ Эмиліемъ Ивановичемъ Рейнгольдомъ, старымъ полковымъ кавалергардскимъ врачемъ, впослѣдствіи лейбъ-медикомъ Александра I-го и Николая Павловича, жившимъ до самой кончины у насъ въ домѣ. Съ нимъ не легко было уживаться, но съ нею онъ любилъ шутить. Онъ распекалъ ее, бывало, когда ей не здоровилось, за постную пищу: «Все Бога надуваете», ворчалъ старикъ. Она не обижалась, но и не уступала. Отвѣтитъ ему также шуткой, за словомъ

въ карманъ не ходила, и они жили пріятельски. Въ Ульянкѣ одно время они были сосѣдями. Тонкая деревянная стѣнка отдѣляла ихъ комнаты. По утрамъ онъ ее будилъ, громко распѣвая: «Чѣмъ тебя я огорчила».

Старикъ Гейнамъ (Нулам), придворный часовщикъ и сынъ часовщика Екатерины (любителя книгъ) Веніамина Гейнама, еженедѣльно приходилъ въ нашъ домъ для заводки часовъ. Почтенный былъ человѣкъ, съ которымъ пріятно было говорить. Съ Татьяной Васильевной они были старые друзья; но она надъ нимъ подшучивала. «Что это часы сегодня невѣрны?» спрашиваетъ, бывало, и какъ бы спохватясь прибавитъ: «А, понимаю; сегодня былъ часовщикъ!» И эта шутка часто повторялась. У нея были свои прозвища и названія. Такъ, главное парадное крыльцо въ нашемъ домѣ она называла не иначе какъ «генеральныя сѣни». Магазины въ домѣ католической церкви по Невскому назывались ею «Ниремберскія лавки». Любила она и въ глубокой старости заѣзжать въ лавочки за провизіею, сама выбирала чай и фрукты, торговалась, и потомъ хвалилась покупками.

Какъ только поступилъ ко мнѣ воспитатель К. И. Руже (Ronget), она съ нимъ сошлась, и отношенія ихъ были наилучшія. Образованный, прямой, но вспыльчивый, онъ былъ вполнѣ хорошій человѣкъ и отличный преподаватель. Съ нимъ подолгу бесѣдовала Татьяна Васильевна. Она охотно слушала чтеніе. Руже хорошо читалъ. Выборъ большею частію былъ изъ Жуковскаго и Козлова, съ которыми Татьяна Васильевна была лично знакома. Она слушала внимательно и восхищалась Жуковскимъ; ей нравился Громобой, и она восторгалась Свѣтланой, но и сердилась на него за «чертовщину». Особенно сердила ее баллада, въ которой описывается, «какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди». Большое удовольствіе доставляло ей чтеніе Козлова—«Чернецъ» и «Наталья Долгорукая». Подъ впечатлѣніемъ послѣдней она много разсказывала о прошломъ Кускова, объ охотахъ Петра Борисовича и проч.

Она познакомилась со всѣми моими учителями, ежедневно приходила ко мнѣ и присутствовала при вечернихъ урокахъ, сидѣла на своемъ креслѣ и внимательно прислушивалась. Съ нѣкоторыми учителями она также хорошо сошлась, и они ее уважали, въ особенности мой законоучитель, почтенный и незабвенный для меня протоіерей Петръ Александровичъ Сперанскій, а также преподаватель словесности Михаилъ Петровичъ Мосягинъ и даже учитель рисованія, добрый даровитый, но безпутный Николай Ивановичъ Тихобразовъ.

Татьяна Васильевна до самой старости любила говорить о танцовальномъ искусствѣ. Разъ даже показала она, какъ надобно становиться на кончики пальцевъ, и увѣряла, что это вовсе не трудно. Ея

учителемъ былъ знаменитый Лёпикъ (Le Picq). Когда ко мнѣ приходилъ учитель танцевъ Пуарò (Auguste Poireaux) она вспоминала съ нимъ его дѣда Лёпика и всегда присутствовала при моемъ урокѣ. Когда же Пауро́ давалъ указанія или самъ показывалъ разные па, она зорко и съ видомъ полнаго пониманія наблюдала за нимъ. Меня еще учили разнымъ па, въ родѣ le pas grave, le pas de bourrée, и всѣ эти названія ей были давно знакомы, какъ знакòмъ былъ и гавотъ, и менуэтъ, которымъ меня учили. Не особенно было весело брать уроки танцевъ въ одиночествѣ, но присутствіе Татьяны Васильевны вознаграждало за все, и какъ теперь вижу ее передъ собою въ чепцѣ, съ табакеркою въ рукахъ, съ веселою улыбкой на умномъ и добромъ лицѣ.

Этотъ Лёпикъ былъ хорошо знакòмъ съ моимъ дѣдомъ, который купилъ у него дачу въ Павловскѣ, когда служилъ при дворѣ императора Павла. Дача эта была впослѣдствіи отцемъ подарена; она стоитъ на стрѣлкѣ, между двумя переулками, изъ коихъ одинъ и теперь называется Пиковъ переулокъ въ честь Лёпика. Тутъ же рядомъ черезъ дорогу Павловскій паркъ и дворецъ въ двухъ шагахъ. На этой дачѣ я помню старыя липовыя деревья, посаженныя дѣдомъ, Прасковьей Ивановной и Татьяной Васильевной.

Вспоминала Татьяна Васильевна о временахъ молодости и говорила о строгой дисциплинѣ, въ которой ее держали, какъ носила она желѣзные обручи и корсетъ для стройности стана. Много разсказывала она о тогдашнихъ модахъ, о пудрѣ и прическахъ, какъ одна смѣнялась другою, о кошелькахъ, о фижмахъ, о мушкахъ. У нея сохранялась туалетная шкатулка графини Варвары Алексѣевны и даже ея кисточка для румянъ...

Она очень внимательно всегда прочитывала у меня афиши, хотя съ незапамятныхъ временъ не ѣздила въ театръ. Ей доставляло удовольствіе громко читать роли и имена дѣйствующихъ лицъ. Особенное удовольствіе выражала она, когда на афишѣ появлялось имя Рамазановой. Она разсказывала о старинныхъ пьесахъ, ею видѣнныхъ, о «Титовомъ Милосердіи», о «Полубарскихъ Затѣяхъ», о какой-то пьесѣ Екатерины «Обманъ на обманъ и плуты на выскочку». Есть пьеса «Обманщикъ», по такой пьесы не знаю; однако она всегда повторяла именно это заглавіе. Когда читали при ней у меня комедію Аблесимова «Мельники», она очень радовалась, и многіе стихи знала наизустъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того Цыганомъ;
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.

И колдовки, колотовки
Тѣже дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ,
И живутъ такимъ обманомъ.
(Колдунъ послѣ этого говоритъ: „Какъ и азъ грѣшный“).

Жаль, что не могу припомнить ея разсказовъ о пѣвицахъ Мара́ и То́ди, смутно припоминая, что которая-то изъ нихъ бывала въ Кусковѣ... Говорила она о бывшихъ когда-то въ домѣ Петра Борисовича «барскихъ барыняхъ», о какой-то дѣвушкѣ Танѣ, съ которою жила она въ молодости, и какъ было тяжело видѣть ее больную въ чахоткѣ: она умерла почти на ея рукахъ... Кто была эта Таня—не знаю.

У Татьяны Васильевны былъ большой, разнообразный кругъ знакомыхъ. Она любила и у себя принимать. Въ дѣтствѣ памятны мнѣ ея именинные обѣды 12-го Января, въ Татьянинъ день. Это бывало, когда отецъ уѣзжалъ въ Москву. Тутъ собирались и духовенство, и многочисленные гости: Кобылины, Путятины, ея родственники, Шлыкова Марья Лукинишна (жена брата Гавріила), М. А. Поликарпова, Апрѣлевы, Долгорукіе, Корниловичи и многіе др. Помнится вкусный именинный пирогъ, большое оживленіе и радушіе. Она любила хорошій столъ и понимала въ немъ толкъ, умѣла хорошо говорить съ поваромъ... Помню, съ какимъ удовольствіемъ заказывала она «размазеньку»... Особенно любила она устрицы. По этому поводу она охотно повторяла одинъ разсказъ. Къ устрицамъ пріучилась она, живя у Николая Петровича, который самъ былъ до нихъ большой охотникъ. Она любила запивать ихъ портеромъ. Когда она была еще очень молода, принесли однажды устрицъ; она съ удовольствіемъ принялась за нихъ... Видитъ это жившая въ домѣ какая-то старушка, подходитъ къ ней и говоритъ съ упрекомъ: «Матушка, не скверни свою душеньку!»... Когда ей было уже за восемьдесятъ лѣтъ, не было ничего легче, какъ предложить ей, напримѣръ, съѣздить на биржу покушать устрицъ у Колчина. Вообще поѣздка «на биржу» была хоть разъ въ годъ обязательна. Не разъ, бывало, въ маленькой тѣсной комнатѣ у Колчина сидѣли мы въ небольшомъ обществѣ, и съ нами Татьяна Васильевна бодрая, веселая, занимательная; передъ нею тарелка съ устрицами и неизмѣнный стаканъ портеру...

Бывало, у отца за обѣдомъ, когда уже очень въ духѣ или видитъ, что отецъ въ хорошемъ настроеніи... скажетъ ему: «Батюшка, вели подать портерцу»... И бесѣда оживлялась.

Я засталъ Татьяну Васильевну только въ глубокой старости. Кто зналъ ее прежде, тотъ не могъ ей не сочувствовать. Она была въ особенно близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ княжнами Щербатовыми, дальними родственницами моего дѣда. Одна изъ нихъ, Анна Андреевна, была замужемъ за графомъ Д. Н. Блудовымъ; другая, Марья Андреевна, за Поликарповымъ. Отецъ ихъ, князь Андрей Николаевичъ, одно время жилъ въ домѣ Петра Борисовича и былъ очень любимъ Варварой Алексѣевной. Отъ Татьяны Васильевны слышалъ я восторженные отзывы объ Аннѣ Андреевнѣ... Отсюда начались ея частыя и близкія сношенія съ домомъ Блудовыхъ. Графъ Дмитрій Николаевичъ очень ее уважалъ и любилъ ея разговоръ; ему нравился ея необыкновенно-чистый, правильный Русскій говоръ. Въ домѣ Блудовыхъ она сошлась съ дочерьми графа, Антониною и Лидіей, а также сблизилась съ нѣкоторыми Арзамасцами, въ особенности съ Дашковымъ и Жуковскимъ. Она была почитательницею Козлова. Во время холеры 1830 года Блудовы жили у насъ въ домѣ близъ Татьяны Васильевны.

Бывало, возвращаешься въ Воскресенье изъ Петергофа въ Ульянку, и какъ бы поздно ни было, хотя бы ночью, Татьяна Васильевна спать не ложится: она непремѣнно дождется, перекреститъ и тогда только ляжетъ спать. И это въ послѣдніе ея годы, подъ девяносто лѣтъ.

Въ 1853 году у меня была горячка или тифъ. Я сильно бредилъ и подолгу лежалъ въ безпамятствѣ. Какъ я потомъ узналъ, уже отчаявались меня вылѣчить. Консультаціи слѣдовали одна за другою. Собирались Рейнгольдъ, Пеликанъ и Вейсъ, тогдашній дѣтскій докторъ... Какъ сквозь сонъ вижу надъ собою икону Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ: ее подняли по желанію отца и Татьяны Васильевны... Мало по малу чувствую возвращеніе сознанія, и вниманіе останавливается на окружающемъ... У кровати чередуются Шарлота Ивановна Рутландъ и Татьяна Васильевна. Тихо, бережно ухаживаетъ она, старается занять; но время ко сну: Татьяна Васильевна подходитъ съ крестомъ въ рукѣ и въ полголоса читаетъ молитвы. Ясно, четко, съ глубокимъ чувствомъ заканчиваетъ она послѣднею молитвою: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его»... Меня проникаетъ блаженное чувство покоя и тишины. «И да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его; яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ... яко таетъ воскъ отъ лица огня»... Я чувствую холодное прикосновеніе креста къ головѣ, потомъ къ груди и плечамъ; мысли начинаютъ темнѣть и путаться... Сквозь полусонъ доходятъ послѣднія слова: «О Пречестный и Животворящій Кресте Господень!.. Помогай намъ со Святою, Госпожею, Дѣвою Богородицею и со всѣми святыми во вѣки. Аминь» ..

Въ 1863 г. Татьяна Васильевна жила въ другомъ помѣщеніи уже нѣсколько лѣтъ; также въ нижнемъ этажѣ дома, но на другой его половинѣ. «Пора честь знать, два вѣка не проживешь», говаривала Татьяна Васильевна подъ впечатлѣніемъ этого переѣзда.

Въ послѣднее лѣто она вдругъ перестала нюхать табакъ; до того времени у нея всегда водился хорошій Французскій табакъ, и были у нея три излюбленныя табакерки. Чаще всего носила она табакерку съ янтарною крышкою и надписью на синей эмали: «Souvenir», подарокъ графини А. А. Блудовой. Другія двѣ табакерки имѣли каждая свою легенду. Одна изъ нихъ, четырехугольная, завалилась въ печку, когда отецъ былъ малолѣтнимъ; другая въ тоже время упала въ прудъ при М. И. Донауровѣ и найдена была случайно Она очень ими дорожила. Носила ова длинную цѣпочку вокругъ шеи, соединявшуюся серебрянымъ боченкомъ; часы старинные, луковичные, подарены ей были дѣдомъ. Она подарила мнѣ волосы дѣда, кóльца его и перстни съ волосами бабушки Прасковьи Ивановны.

Она неизмѣнно, съ незапамятныхъ временъ, получала «Санктпетербургскія Вѣдомости», слѣдила за всѣми новостями и очень дорожила мнѣніемъ своей газеты. Помню, какое бывало событіе—полученіе новаго академическаго календаря. Тотчасъ же она прочитывала, и прежде всего, въ какіе дни праздники, какъ великъ Петровъ постъ, какъ великъ мясоѣдъ. Она соблюдала строгій постъ во всѣ положенные дни и сухоядѣніе въ первые дни первой недѣли Великаго поста.

Она любила музыку и пѣніе, но не выносила посредственныхъ пѣвцовъ-любителей. Одинъ молодой человѣкъ у насъ на Ульянкѣ послѣ обѣда пѣлъ извѣстный романсъ «Скажите ей»...—«Нѣтъ, ужъ лучше ей не говори», шепчетъ Татьяна Васильевна и отходитъ подальше. «Господи, вѣдь благимъ матомъ кричитъ, ворчала она. Сама она, кажется, никогда не пѣла, и не было у нея голоса. Помню только, что въ дѣтствѣ она мнѣ твердила: «Пойте, птички, во саду, разгуляться къ вамъ приду». Случайно я узналъ, что эта пѣсня скопческая.

Много разсказывала она о славномъ пѣніи г-жи Алексѣевой, извѣстной въ свое время пѣвицы-любительницы.

Знакомство у нея было большое. Не разъ слышалъ я отъ нея о Вадковскихъ, Козлаковыхъ и Депрерадовичахъ. Она была въ дружбѣ съ А. С. Норовымъ, съ А. Н. Муравьевымъ, съ почтенной старушкой Путятиной (одной изъ «дѣвицъ», жившихъ на положеніи фрейлинъ въ Таврическомъ дворцѣ), съ игуменьей Воскресенскаго монастыря Варсонофіей и съ камеръ-фрейлиной княжной Варварой Михайловной Волконской. Знакома она была (и даже немного подсмѣивалась надъ нею) съ другою старою фрейлиной, княжной Анной Алексѣевной Волконской:

маленькаго роста сгорбленная старушка, съ буклями на вискахъ, и притомъ всегда приколонными криво, она пріѣзжала къ намъ въ церковь, въ каретѣ цугомъ, съ лакеемъ въ старо-модной ливреѣ. Она уже впадала въ дѣтство; однажды у насъ въ церкви распекла она одну дѣвочку за то, что та дурно крестилась, и неизвѣстно почему, обращаясь къ Татьянѣ Васильевнѣ, проговорила: «Она не крестится, а играетъ на балалайкѣ!» Дѣти ея боялись.—Стояла Татьяна Васильевна въ нашей домовой церкви всегда на томъ же мѣстѣ. Эту часть церкви Муравьевъ называлъ «овчая купель», потому что тутъ стояли все больные старики: А. С. Норовъ безъ ноги, Сухозанетъ безъ ноги, В. А. Шереметевъ въ параличѣ, князь Н. А. Долгорукій больной и др. Тутъ стоялъ и самъ Муравьевъ. Разъ случилось ему стоять рядомъ съ Татьяной Васильевной. Это было за всенощной. Татьяна Васильевна стала на колѣни одновременно съ Муравьевымъ, и въ тоже время оба поклонились до земли... Тутъ соскочила большая цѣпочка съ шеи Муравьева и зацѣпила за чепецъ Татьяны Васильевны; она хочетъ поднять голову, и чувствуетъ что-то тащитъ ея чепецъ. Въ это самое время и Муравьевъ, который былъ близорукъ, замѣчаетъ, что задѣлъ за Татьяну Васильевну, и не рѣшается подняться. Такъ остались они нѣкоторое время въ странномъ, наклоненномъ положеніи, и въ это самое время ихъ начинаетъ разбирать неудержимый хохотъ, который перешелъ и на присутствующихъ.

Татьяна Васильевна не разъ бывала въ Сергіевой пустыни, гдѣ знала архимандрита Игнатія Брянчанинова, Павла Петровича Яковлева и Чихачева.

Она скончалась 25 Января 1863 года. Утромъ мнѣ сказали, что ей не здоровится. Я не могъ зайти, потому что куда-то торопился. Я былъ у нея наканунѣ, но ничего нельзя было предвидѣть. Днемъ захожу къ ней: встрѣчаетъ меня Артемій и говоритъ, что Татьяна Васильевна только что скончалась. Я остолбенѣлъ. Потомъ, уже вмѣстѣ съ отцомъ, вернулся я къ Татьянѣ Васильевнѣ, и мы подошли къ ея кровати. Она лежала со спокойнымъ выраженіемъ лица, точно спящая. Отецъ тронулъ ея голову. Она уже была холодна. Немедленно сдѣланы были всѣ распоряженія и отслужили первую панихиду. Долго сидѣлъ отецъ въ комнатахъ Татьяны Васильевны, и я съ нимъ, и долго говорили мы о ней и вспоминали. Отъ нея разговоръ перешелъ вообще къ прошлому, и многое услышалъ я отъ отца, и никогда не бывало такого задушевнаго разговора, никѣмъ не нарушеннаго.

Въ бумагахъ ея найдено завѣщаніе, гдѣ она распредѣляла свой небольшой капиталъ, подаренный ей дѣдомъ. Нашлась записка о бракѣ дѣда съ обозначеніемъ свидѣтелей, молитва Св. Димитрія Ростовскаго

«о повсядневномъ исповѣданіи грѣховъ», писанная рукою Прасковьи Ивановны, и кое-какія письма... Отпѣваніе совершено въ приходской церкви Симеона и Анны духовникомъ ея, В. И. Барсовымъ, къ которому она была очень расположена.

Къ кругу ея близкихъ принадлежало семейство Кобылиныхъ. Старушка Екатерина Ѳедотовна Кобылина, рожденная Клокачева, была почтенная Новгородская помѣщица. Въ молодости она была красавицей. У нея была дочь Александра Васильевна Путятина, тоже достойнѣйшая женщина и также когда-то красавица. Семья Кобылиныхъ была многочисленная. Одинъ братъ былъ таинственно убитъ ночью на одномъ изъ мостовъ Фонтанки; другой поступилъ изъ Егерскаго полка въ монахи, подъ именемъ Владимира, и впослѣдствіи сдѣлался настоятелемъ Новгородскаго Тихвинскаго монастыря. Сестра Надежда вышла замужъ за Апрѣлева и вѣнчалась у насъ въ церкви; а послѣ вѣнца, когда молодые подъѣхали къ дому Апрѣлевыхъ, новобрачный при выходѣ изъ кареты былъ зарѣзанъ нѣкіимъ Павловымъ. Эти два убійства въ одной семьѣ въ свое время породили немало толковъ. Татьяна Васильевна вращалась въ этой средѣ и близко знала семейныя подробности. По мужу своему, А. В. Путятина была въ свойствѣ съ Маргаритой Петровной Путятиной, рожденной Реметевой. Это была одна изъ подругъ юности Татьяны Васильевны. До своего замужества она жила съ дѣдомъ и Прасковьею Ивановною и не разъ съ ними путешествовала. Такъ была она съ ними въ годъ коронаціи Павла и участвовала въ поѣздкѣ изъ Петербурга на Тихвинъ, Устюжну, въ село Вощажниково и въ Ростовъ. Помню разсказы Татьяны Васильевны о дурныхъ дорогахъ и грязныхъ станціяхъ съ тараканами, о приключеніяхъ фургона съ провизіею и съ поваромъ Горномъ...

Послѣдніе годы своего вдовства Маргарита Петровна жила въ нашемъ домѣ на Литейной. Съ ней жила уже не молодая дѣвица Бровцына, которую она называла «Thémyre». Я еще засталъ эту Thémyre и помню ее въ образной при нашей Петербургской церкви. Съ Маргаритой Петровной и съ дѣдомъ Татьяна Васильевна жила въ деревнѣ на берегу Невы, въ селѣ Вознесенскомъ. Помню ея разсказы о неудовольствіи Платона Зубова, желавшаго купить у дѣда это имѣніе, о графѣ Валеріанѣ Зубовѣ, котораго Татьяна Васильевна звала не иначе, какъ «красавчикъ». Точно также называла она и графа Рибопьера, будущаго оберъ-камергера.

Немало заботъ и хлопотъ доставила ей семья Долгорукихъ. Они считались дальними родственниками отца, «седьмая вода на киселѣ», какъ говорила Татьяна Васильевна. Это было потомство графа Алексѣя Сергѣевича Шереметева, дочь котораго Анастасія вышла за князя

Долгорукаго. У нихъ было двѣ дочери, Екатерина и Надежда, и два сына, Николай и Алексѣй. Всѣ они взяты были отцемъ на его попеченіе. Двухъ дочерей помѣстилъ онъ въ Смольный институтъ. Екатерина, по словамъ Татьяны Васильевны, была очень мила; она умерла въ молодости. Надежда вышла замужъ за генерала Корниловича и оставила большую семью. Николай воспитывался въ лицеѣ и жилъ у насъ въ домѣ возлѣ Татьяны Васильевны. Онъ былъ человѣкъ образованный, много читавшій и большой библіофилъ. Онъ собралъ прекрасную библіотеку и говорилъ на семи языкахъ; былъ большой чудакъ, но добрый человѣкъ. Я хорошо его зналъ. Съ Татьяной Васильевной онъ былъ всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Семья Татьяны Васильевны состояла изъ двухъ братьевъ, Григорія, рано умершаго, и Гавріила, который былъ часовщикомъ и женился на нѣкоей Марьѣ Лукинишнѣ. Всѣ они вмѣстѣ съ матерью похоронены на Волковомъ кладбищѣ, тамъ же, гдѣ Татьяна Васильевна. «Собираюсь на свою дачу», говорила Татьяна Васильевна: она каждый годъ въ день Константина и Елены ѣздила на Волково. Она очень любила кладбищенскаго священника, протоіерея Николая Степановича Ильинскаго, который впослѣдствіи сдѣлался намѣстникомъ Александро-Невской лавры. Мать ея, Елена Ивановна Шлыкова, скончалась у насъ въ домѣ въ двадцатыхъ годахъ. Она жила отдѣльно и пользовалась почетнымъ положеніемъ въ домѣ. Отецъ мой ее хорошо помнилъ.

Недалеко отъ Татьяны Васильевны, подъ образной, въ низенькихъ комнаткахъ окнами въ садъ, жила старуха Марья Никитишна, нянька моего отца. Она была гораздо старше Татьяны Васильевны. Почему-то я ея боялся. Разъ меня Татьяна Васильевна къ ней повела. Старушка была древняя, маленькая и сгорбленая. У нея висѣли портреты Петра Борисовича и его любимой дочери Анны Петровны съ пряжею въ рукахъ. Графиня Анна Петровна имѣла вліяніе на жизнь князя А. Н. Щербатова и Порошина, и умерла отъ оспы невѣстою графа Н. И. Панина. Теперь въ комнатахъ Марьи Никитишны помѣщается ризница.

Татьяна Васильевна поддерживала сношенія съ Петербургскими митрополитами. Съ нею былъ я однажды у митрополита Никанора. Онъ сталъ говорить о митрополитѣ Платонѣ, называя его своимъ благодѣтелемъ. Татьяна Васильевна оживилась, и долго они говорили, съ восторгомъ вспоминая митрополита Платона. Послѣдніе годы она сблизилась съ викаріемъ, преосвященнымъ Христофоромъ, впослѣдствіи Вологодскимъ епископомъ.

22 Октября Татьяна Васильевна обязательно отправлялась въ Казанскій соборъ, а 27-го въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ на Шпалерной,

и какая бы ни была толпа богомольцевъ, она служила молебны и прикладывалась къ иконамъ. Съ какою радостью она потомъ говорила, что ей удалось исполнить этотъ долгъ.

Еще со временъ дѣда жила Татьяна Васильевна лѣтомъ на Ульянкѣ. Послѣ его кончины она жила тамъ ежегодно. Понятно, что она привязалась и полюбила это мѣсто. Она была большая охотница собирать грибы. До самыхъ преклонныхъ лѣтъ это было любимымъ ея развлеченіемъ. Пойдетъ, бывало, потихоньку въ рощу: всѣ грибныя мѣста ей хорошо знакомы и гдѣ какіе грибы водятся. Подвигалась она медленно, постепенно, и нѣсколько разъ проходила взадъ и впередъ по тому мѣсту. Она сама признавалась, что когда находила красивый грибъ, она не сразу его брала, остановится, полюбуется надъ нимъ и уже потомъ положитъ въ корзину. И въ Ульянкѣ дѣдомъ моимъ устроенъ былъ въ лѣсу «Домъ Уединенія». Я еще его засталъ. Рѣдко случалось Татьянѣ Васильевнѣ доходить до этого домика. Онъ стоялъ въ лѣсу версты за двѣ. Въ послѣдніе годы это было событіемъ. «Сегодня я дошла до такой-то скамеечки«, говорила Татьяна Васильевна и радовалась, что силы ей не измѣняли. Въ церкви у нея было особое мѣсто близъ аналоя; тутъ стоялъ небольшой полукруглый стулъ краснаго дерева, очень оригинальной формы. Такихъ стульевъ у насъ было нѣсколько. Одинъ изъ нихъ у нея выпросилъ А. Н. Муравьевъ. Съ причтомъ она была въ отличныхъ отношеніяхъ.

До какой степени она умѣла себя держать и какъ была находчива даже въ случаяхъ затруднительныхъ—служитъ доказательствомъ вся ея жизнь. На одномъ изъ обычныхъ имянинныхъ обѣдовъ у моего отца на Ульянкѣ, при большомъ сборѣ гостей, совершенно своеобразнаго общества, случилось быть и моему учителю рисованія Н. И. Тихобразову. Онъ былъ вообще довольно невоздержанъ; на этотъ разъ онъ такъ угостился, что послѣ обѣда пошелъ ни съ того ни съ другаго въ присядку. Всѣ были озадачены, и отецъ нѣсколько смутился. Видитъ это Татьяна Васильевна, и хочется ей выручить Тихобразова. Ей тогда было далеко за восемьдесятъ лѣтъ. Не долго думая, она встаетъ, беретъ платокъ, проситъ съиграть «По улицѣ мостовой», и идетъ на встрѣчу Тихобразову, плавно и стройно выступая, къ общему восторгу и удивленію всѣхъ присутствующихъ. Тихобразовъ совсѣмъ растаялъ: «Ахъ ты, голубка моя», произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ, и когда она кончила—онъ бросился цѣловать ей руки.

Вспомнилась ли Татьянѣ Васильевнѣ ея молодость? Но этого дня забыть невозможно.

Многое изъ прошлаго въ жизни Татьяны Васильевны осталось на всегда тайною, о многомъ можно только догадываться; но несо-

мнѣнно, что глубокая, непзмѣнная, вѣрная дружба соединяла ее съ бабушкой Прасковьей Ивановной; а благодарная память о дѣдѣ сказывалась въ ея словахъ, въ самомъ выраженіи ея голоса: когда она говорила о нихъ, чувствовалось, что съ ними была вся душа ея...

Трогательно было прощаніе Татьяны Васильевны съ Ульянкой въ 1862 году. Она какъ бы предчувствовала, что больше уже не вернется. Она, какъ передавалъ мнѣ ея Артемій, передъ окончательнымъ выѣздомъ въ городъ, пошла «прощаться» и побывала на всѣхъ мѣстахъ давно ею излюбленныхъ, съ которыми связаны были воспоминанія цѣлой жизни.

Съ Ульянкой какъ-то особенно сливается воспоминаніе о Татьянѣ Васильевнѣ. Теперь все давно прошло; характеръ мѣста измѣнился, и слѣдъ Татьяны Васильевны давно простылъ... И кустъ махровыхъ розъ, ею посаженный въ память Кускова, давно засохъ .. Но для меня она жива, и свѣтлый образъ ея никогда не изгладится изъ моей памяти...

Графъ Сергій Шереметевъ.

Петербургъ,
14 Ноября 1888.